

ленная база, мощность природных ресурсов и т.д. В ходе развития мировой цивилизации все эти характеристики (включая и использование природных ресурсов) всё сильнее зависят именно от интеллектуального потенциала страны.

Методологическая и концептуальная основа сборника – комплексный междисциплинарный подход к изучению проблемы человека, поэтому в сборнике представлены также историко-культурный, психологический и социокультурный аспекты изучения человеческого потенциала, отражены его социально-демографические акценты. В отдельный блок выделена тема научного потенциала России.

И.И.Ашмарин

Б.Г.Юдин

Интеллектуальный потенциал личности*

В настоящей статье мы попытаемся сопоставить понятие «интеллектуальный потенциал» с концепцией человеческого потенциала, которая на протяжении ряда лет разрабатывается в Институте человека РАН.¹ Начнем с экспликации этой концепции в том ее виде, который она приобрела в ходе проведенных в Институте исследований.

Обращаясь к изучению проблематики человека, мы уже на первом шагу сталкиваемся со сложнейшей теоретической и методологической проблемой, которая заключается в неопределенности, а может быть, даже и принципиальной неопределимости понятия «человек». Количество самых разнообразных трактовок этого понятия практически необозримо², а между тем, взяв за основу одну из них и тем самым с порога отбросив все остальные, мы рискуем понести серьезные потери и в содержательном, и в ценностном отношении.

В силу сказанного будем рассматривать данное понятие скорее как идеальное, как «регулятивную идею» в смысле Канта, чем как рабочий инструмент. В этом последнем качестве мы используем понятие «человеческий потенциал». По сути дела, речь идет об инструменте, который позволял бы «навести мосты» между философскими размышлениями о сущности, предназначении человека, о смысле его жизни и т.п., с одной стороны, и многообразными конкретно-научными разработками,

---

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, грант №00-06-00225.

направленными на описание, оценку, прогнозирование возможностей и перспектив существования и реализации возможностей человека, с другой.

В отечественной и мировой литературе предложено немало понятий и концепций, имеющих целью сформировать такое интегральное представление о человеке, которое могло бы быть проработано аналитически, а значит, употребляться достаточно строго, но вместе с тем поддавалось, хотя бы в принципе, операционализации и даже количественному выражению.

В этой связи можно упомянуть концепции «человеческих ресурсов» и «человеческого капитала». Подходы, в рамках которых человек предстает прежде всего в качестве ресурса, были популярны лет 30 назад; сегодня же их вряд ли можно оценивать как дающие сколько-нибудь полное представление о человеке. Точнее, сфера их применимости, а значит, и круг задач, которые можно решать с их помощью, ныне определены, а значит, и ограничены достаточно четко. Примерно то же самое можно сказать и о более поздней концепции «человеческого капитала».

Обе концепции позволили увидеть в человеке не просто один из функциональных элементов производственных, социальных, технических, коммерческих и т.п. систем, но такое начало, которое — нравится это кому-то или не нравится — никак не может быть жестко встроено в эти системы, редуцировано к чистой функциональности. Собственно, само стремление принять в расчет эти человеческие качества диктовалось, быть может, теми же соображениями улучшения функционирования систем, повышения их управляемости. Но реально оно оборачивалось тем, что в корне менялась сама системная аналитика: в нее так или иначе приходилось вводить элементы нелинейности, то, что ныне принято называть точками бифуркации. Тем не менее этим концепциям свойственна принципиальная ограниченность: человек в них выступал только в своей отнесенности к этим системам и включенности в них, как всего лишь то, что так или иначе *потребляется, используется* в процессах производственной или социальной практики.

Во многих отношениях весьма интересны также концепции «уровня жизни» и «качества жизни». Последняя, в частности, с успехом применяется сегодня для того, чтобы оценивать и оптимизировать деятельность систем здравоохранения³. Существует немало перспективных подходов — как в рамках проблематики здравоохранения, так и в более широком плане — к количе-

ственному определению параметров, характеризующих качество жизни. Однако и эти концепции следует признать односторонними, поскольку они, напротив, представляют человека как существо по преимуществу *потребляющее*, пребывающее, так сказать, в страдательном залоге.

Было бы важно опираться на такое понятие, которое включало бы в себя оба эти аспекта — как то, что человек выступает в качестве потребляемого ресурса, будучи, однако, ресурсом особого рода, способным проявлять собственную, не детерминированную никакими объемлющими системами, активность, так и то, что сам он требует и потребляет природные и социальные ресурсы. И это понятие должно быть не только более объемным, но и способным отразить представления о *самоценности* человека. И именно этим диктуется обращение к понятию *человеческого потенциала*, которое, как мы считаем, является интегральным по отношению как к названным, так и к другим концепциям. Более того, это понятие, на наш взгляд, удачно оттеняет и такую сторону человеческого бытия, как его принципиальную открытость, незавершенность в любой данный момент человеческой жизни.

Понятие потенциала, как известно, было основательно проработано в физике, в контексте изучения динамических систем. Если не вдаваться в тонкости, то потенциал системы — это ее способность (возможность) совершить некоторую работу. В этом понятии, таким образом, содержится вполне прозрачный намек на величину, которую можно, разумеется, после проведения соответствующих изысканий, сделать исчислимой и измеримой. Характерно, далее, что получаемая таким образом *мера* не есть некая абсолютная характеристика данной системы. Говоря о работе, которую может выполнить данная система, принято определять ее через *разность* потенциалов. Простейший пример: если система представляет собой Землю и некоторый груз массой m , поднятый над ее поверхностью на высоту h , то работа, которую способен совершить груз при падении на Землю, пропорциональна не только массе, но и высоте, которая в этом примере и выступает как выражение разности потенциалов.

Аналогичным образом и человеческий потенциал (индивидуали, некоторой социальной группы, популяции, страны...) будет величиной соотносительной, определяемой как характеристиками самого этого объекта — назовем их, с некоторой долей условности, внутренними, так и характеристиками — соответ-

ственно, внешними — того, что его окружает и с чем ему приходится взаимодействовать при совершении некоторой работы. Это важно иметь в виду постольку, поскольку человеческий потенциал индивида только отчасти представляет собой нечто данное ему от рождения — в значительной мере он *формируется, развивается* в процессах социализации личности. Это важно также и в том смысле, что и актуально имеющийся, сформированный у человека потенциал может раскрываться, реализовываться в разной степени в зависимости как от внешних условий, так и от самого индивида.

В этом месте наша аналогия себя исчерпывает. Необходимо сказать об одном принципиальном отличии понятия потенциала, когда оно применяется к человеку, от тех случаев, когда оно применяется к физическим системам. В последнем случае осуществление системой работы, т.е. реализация ее потенциала, всегда ведет к его уменьшению. Иначе обстоит дело с человеческим потенциалом, поскольку его продуктивная реализация во многих случаях (ближайший пример — использование человеком своих способностей для приобретения новых знаний) ведет не к уменьшению, а к развитию, обогащению его потенциала.

Введем теперь еще одно различие. Среди внешних обстоятельств можно выделить, с одной стороны, те, которые неподвластны нашему влиянию и которые нам приходится принимать как данное и, с другой стороны, те, на что можно воздействовать, имея в виду, помимо всего прочего, и улучшение условий для сохранения, развития и реализации человеческого потенциала. В этом месте имеет смысл обратить внимание на то, что в понятии *человеческого* потенциала обнаруживаются не только дескриптивные, но и нормативные составляющие.

Мы считаем важным подчеркнуть это постольку, поскольку концепция человеческого потенциала — и в том виде, в котором она представлена в ежегодных докладах Программы развития ООН,⁴ и в том ее варианте, который разрабатывается в Институте человека, имеет не только теоретические и методологические, но и ценностные основания. Наличие таких оснований, очевидно, характерно не только для этой, но и для любой другой концепции, развиваемой в рамках социального познания. Однако если существующая традиция предписывает автору экспликацию методологических и теоретических оснований предлагаемых им построений, то экспликация ценностных оснований, увы, обычно оказывается уделом лишь того, кто осуществляет их критический разбор.

Возвращаясь теперь к концепции человеческого потенциала, отметим, что она содержит (скорее, быть может, на уровне предпосылок, чем конкретного изложения) определенные представления о человеке, его месте в мире, его взаимоотношениях с окружающими социальными структурами и т. д. Конечно, речь вовсе не идет о том, чтобы представить авторов этой концепции как приверженцев той или иной версии философской антропологии. Это, однако, не отменяет возможности охарактеризовать их взгляды с философской точки зрения. И в этом смысле представления о человеке, на которые опирается концепция человеческого потенциала, можно назвать *широкими* — не только в количественном, но и в качественном смысле. Будем называть *узкими* — не вкладывая в термины «широкий» и «узкий» ценностных коннотаций — такие трактовки человека, которые стремятся представить все (или, по крайней мере, основное, его сущность), что есть в человеке, как определяемое каким-то одним фактором, одним основанием, одной причиной. Для З. Фрейда, к примеру, это будет либидо, для М. Фуко — власть; нетрудно привести и множество других примеров.

Попытаемся теперь сопоставить с ними концепцию человеческого потенциала — скажем, в ее ООНовском варианте. Прежде всего, само по себе выделение трех составляющих индекса человеческого потенциала (в других переводах — человеческого развития), т. е. приведенного среднедушевого дохода, средней ожидаемой продолжительностью жизни и уровня грамотности населения, никак не может быть совмещено с тем одномерным представлением о человеке, которое характерно для узких концепций. Но, более того, каждая из этих составляющих не говорит ничего определенного о сущности или природе человека — еще раз отметим, что язык здесь вовсе не философский. Мы как будто оказываемся на совсем другом уровне рассмотрения. Это, впрочем, и так, и не совсем так. Ведь сам отказ определять (а стало быть, и ограничивать) сущность или природу человека есть определенная философская позиция. И с этой точки зрения три составляющие ООНовского индекса можно трактовать как то, что характеризует *условия* человеческого развития, человеческой (само)реализации. Чем выше значения этих составляющих, чем выше значение суммарного индекса, тем благоприятнее условия для этой (само)реализации, тем больше *возможности* человека в этом отношении.

При этом ничего не говорится о том, в каких направлениях человеку можно или следует или должно реализовывать имеющиеся у него возможности. Все рассмотрение, таким образом, остается в области *условий, возможностей, средств* – но не *целей*. Безусловно, можно говорить о том, что концепция человеческого потенциала вовсе и не претендует на то, чтобы обсуждать цели, на достижение которых человек направляет свои возможности, что она носит ограниченный характер и является достаточно здоровой для того, чтобы осознавать собственные ограничения. Но и согласившись со всем этим, мы вправе зафиксировать и обозначить саму позицию *воздержания* от излишне определенных и потому чересчур жестких характеристик. Такая позиция может быть не только философски корректной, но и методологически продуктивной.

* * *

Мы говорили о трех составляющих индекса развития человеческого потенциала, представленных в концепции ПР ООН. Как удалось выяснить, и эти составляющие, и индекс в целом характеризуют условия человеческого развития и (само)реализации. Каждую из этих составляющих, очевидно, можно понимать и как определенный вид ресурсов – тогда, с определенным упрощением, приведенный душевой доход будет представлять финансовые (или, в более общем плане, материальные) ресурсы, средняя ожидаемая продолжительность жизни – здоровье, уровень грамотности – образование. При этом дефицит каждого вида ресурсов существенно ограничивает, если не делает вообще невозможной, реализацию человеческого потенциала. Таким образом, каждый из этих видов ресурсов можно считать *необходимым*.

Зададимся теперь вопросом о том, является этот перечень ресурсов исчерпывающим, достаточным. При этом мы, конечно, должны будем отвлечься от того, что относительно каждого вида ресурсов из этого перечня не только разработаны методы количественной оценки и сопоставления, но и собрана богатейшая статистика. Ведь то, что может быть подсчитано, далеко не всегда совпадает с тем, что представляется действительно важным.

В этой связи имеет смысл обратить внимание на исследования В.М. Петрова, в которых предпринимается попытка определения и измерения духовного потенциала.⁵ В рамках духовного потенциала автор выделяет и более дробные виды – эстетический, художественный, социально-нравственный и др. потенциал. Следует отметить, что методика измерений, разрабатываемая В.М. Петровым, существенно отличается от той, что используется в докладах ПР ООН, и представляет самостоятельный интерес.

Отвлекаясь, впрочем, от этой стороны дела, обратим внимание на следующее обстоятельство. Можно, вообще говоря, считать, что повышая уровень грамотности, т.е. приобретая образование, человек усваивает не только некоторые знания о мире и способы оперирования этими знаниями, но и то, что относится к миру духа, культуры, ценностей, нравственности и т.п. Не лишена, однако, оснований и противоположная позиция. В соответствии с ней знания (парадигмально – знания о мире природы) и культура – понятая в данном случае не как совокупность знаний о литературе и искусстве, а как то, что нормирует и наполняет смыслом человеческую деятельность, – не только не обязаны совпадать, но могут даже и противостоять друг другу. В самом деле, приходится ведь встречать людей, у которых высокий уровень образованности сочетается с отсутствием сколько-нибудь оформленных и осознанных убеждений.

Различение образовательной и – будем называть так – культурной составляющей человеческого потенциала, на наш взгляд, имеет серьезный смысл, поскольку соответствующие виды ресурсов играют в деятельности человека существенно разные роли. Первый вид – это, вообще говоря, то что человек волен использовать или не использовать по своему разумению. Чем большими знаниями человек располагает, тем шире спектр имеющихся у него возможностей для достижения собственных целей. Напротив, второй вид ресурсов может блокировать те или иные из открытых возможностей действия. Стоит также отметить, что культурная составляющая человеческого потенциала, безусловно, имеет определенное отношение не только к сфере условий и средств, но и к сфере целей, которые ставит перед собой человек. Впрочем, эта весьма серьезная тема заслуживает отдельного обсуждения.

Важно отметить, что возможности развития и в особенности реализации потенциала во многом зависят от того, насколько в обществе защищены и гарантированы права человека. Между тем в докладах ПР ООН этому вопросу уделяется явно недостаточное внимание. Эта тематика затрагивается лишь в докладе 1996 г. Однако и в нем дело ограничивается тем, что всего лишь приводится таблица, в которой указано, какие из международных документов по правам человека одобрены и ратифицированы в той или иной стране.⁶ Этого, очевидно, явно недостаточно для того, чтобы судить о реальном положении с правами человека. Между тем нарушения прав человека, порождаемые чиновно-бюрократическим произволом, представляют собой очевидное и зачастую чрезвычайно серьезное препятствие на пути реализации человеком имеющихся у него возможностей.

Очевидно, эта составляющая человеческого потенциала не перекрывается ни одной из тех составляющих, которые представлены в концепции ПР ООН. Если же говорить о возможности какой-то оценки состояния с правами человека, то можно было бы продумать вопрос о том, чтобы использовать в качестве показателя количество жалоб, с которыми обращаются граждане. В современной России и на федеральном уровне, и во многих регионах существует институт Уполномоченного по правам человека. Вполне возможно представить себе, что в рамках этого института будет налажен сбор и обработка соответствующей статистики, которая будет весьма красноречивой и показательной.

* * *

Теперь мы в состоянии обратиться к понятию интеллектуального потенциала. Здесь открываются две возможности. Во-первых, есть основания представлять интеллектуальный потенциал как нечто если не тождественное, то близкое к той составляющей человеческого потенциала, которая характеризуется уровнем грамотности. Можно было бы, конечно рассуждать о каких-то нюансах и тончайших различиях, но интуитивно представляется, что грамотность — понятие более широкое, чем понятия интеллект или интеллектуальное развитие.

Вторая возможность — рассматривать интеллект в более традиционном ключе, как присущую человеку способность мышления, рационального познания. В одном ряду с понятием ин-

теллекта тогда оказываются понятия, относящиеся к другим человеческим способностям, таким как чувства, воображение, воля и пр. Понятие же интеллектуального потенциала при этом окажется результатом совершенно иного расчленения понятия «человеческий потенциал» по сравнению с тем, которое мы рассматривали в предыдущих разделах. В этом расчленении надо будет иметь дело, скажем, с физическим, чувственным, нравственным, эмоциональным и т.п. потенциалом.

Но теперь встает вопрос о том, чем обусловлен нынешний интерес к этому понятию. Дело, видимо, в том, что в современном мире интеллектуальное начало все больше доминирует в самых разных областях деятельности человека.

Последние десятилетия прошлого века основательно изменили жизнь человека и общества. Выдающиеся научные достижения стали обрушиваться на человечество буквально лавиной; при этом действующие в современном обществе социально-экономические механизмы позволяют в кратчайшие сроки воплощать эти достижения в новейших технологиях, а затем и в товарах и услугах, адресованных самым широким кругам потребителей. Появляются все новые средства общения между людьми, новые социальные институты, даже совершенно новые области человеческой деятельности, и все это радикально трансформирует саму ткань общественной жизни. При этом образующие ее структуры по мере своего обновления становятся все более восприимчивыми к научно-техническим новшествам; последние же, в свою очередь, непрерывно генерируют импульсы, которые преобразуют не просто внешние условия, но и само содержание, саму суть бытия человека и общества.

Хотя далеко не все пока что понимают и осознают это, тем не менее в нашем мире наука уже отнюдь не ограничивается ролью всего лишь поставщика средств, пусть даже чрезвычайно важных и эффективных. Реальностью во все большей мере становится то, что само существование многих сфер деятельности современного человека опирается на те *научные знания, которые еще только предстоит получить*. Иными словами, получение новых научных знаний все чаще становится не столько следствием внезапных озарений, сколько систематической, если угодно, даже рутинной работой, результат которой более или менее известен заранее. Еще до того, как этот результат бывает получен, хорошо известны и те ниши в производственных и иных процессах повседневной жизни, которые ему предстоит